

БОЛЬШЕВИКИ И НАСЛЕДСТВО ЩЕДРИНА

Статья Г. Зиновьева

«...Само собой разумеется, что «ученики» (т. е. ученики Маркса) хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу».

В. И. Ленин, т. II, стр. 331.

I

Еще в 1897 г. В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся» с исчерпывающей полнотой разобрал вопрос об отношении русских марксистов к «наследству 60—70-х годов» XIX в. и показал, что действительно ценное в этом наследстве хранят и развивают именно революционные марксисты, в будущем большевики. «К числу таких выдумок», «плохих выдумок», — писал В. И., полемизируя против Михайловского, — относится и эта ходячая фраза об «отказе русских учеников от наследства», о «разрыве их с лучшими традициями лучшей, передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити и т. п. и т. д. и как там еще это ни выражалось»¹. Спустя два десятилетия после того, как была написана эта статья, рабочий класс нашей страны во главе с партией Ленина завоевал власть. И что же? Разве не доказала партия большевиков также в тот период, когда она является правящей партией, что сказанное Лениным и по вопросу о «наследстве» она целиком проводит в жизнь? Разве вся литературная политика партии — вдохновляемая разумеется штабом партии, ее Центральным комитетом, возглавляемым лучшим из продолжателей дела Ленина т. Сталиным, — не дает в наши дни на каждом шагу подтверждений того, что в частности и этому завету Ленина «ученики» остались безусловно верными?

Отношение большевиков к М. Е. Салтыкову-Щедрину есть только частный случай приложения к жизни того программного постулата В. И. Ленина, который выражен в вышеприведенных его словах о «наследстве».

В своей работе «От какого наследства мы отказываемся» Ленин доказал, что тремя главными чертами русских «просветителей» были: 1) «горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области», 2) «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России» и 3) «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собою общее благосостояние, и искреннее желание действовать этому» (II, 314). «Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что ничего народного в этом наследстве нет» (разрядка Ленина). Ученики Маркса не против этого наследства, это — вздорная выдумка, писал Ленин, ученики оспаривают только «романтические и мелкобуржуазные прибавки к наследству со стороны народников» (II, 315). «Ученики Маркса — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники», пишет В. И. (II, 331. Разрядка подлинника). Ученики «не только могут, но и должны целиком принять наследство просветителей, дополнив это наследство анализом противо-

ретьи капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей» (II, 331)². Но конечно «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством, и к защите общих идеалов европизма «ученики» присоединяют анализ тех противоречий, которые заключает в себе наше капиталистическое развитие, и оценку этого развития с вышеуказанной специфической точки зрения» (II, 332). «Если говорить о «наследстве», которое досталось современным людям, то надо различать два наследства: одно наследство — просветителей вообще, людей, безусловно враждебных всему дореформенному, людей, стоящих за европейские идеалы и за интересы широкой массы населения. Другое наследство народническое... Смешивать две эти различные вещи было бы грубой ошибкой» (II, 332). «Накидывались ли «русские ученики на русских просветителей»? Отказывались ли они когда-нибудь от наследства, завещавшего нам безусловную вражду к дореформенному быту и его остаткам? Не только не накидывались, а напротив, народников изобличали в стремлении поддержать некоторые из этих остатков ради мелкобуржуазных страхов перед капитализмом» (II, 333).

Работу «От какого наследства мы отказываемся» В. И. писал из ссылки для «легальной» подцензурной печати. В письме к Потресову (от 26/I 1899) В. И. тогда же разъяснял, что «принимать наследство от Скалдина (статья Ленина формально имела вид разбора книги Скалдина. — Г. З.) именно я нигде не предлагаю, что «принимать наследство надо от других людей»... «Я имею в виду именно Чернышевского, но у меня не было (в ссылке) статей Чернышевского и нет... да и вряд ли бы сумел обойти при этом подводные камни» (разрядка моя. — Г. З.)³.

Статья «От какого наследства мы отказываемся» во многих отношениях является прямым продолжением крупнейшей основоположной работы молодого Ленина — работы, которой как-раз теперь исполняется 40 лет. Мы говорим о «Друзьях народа». Чтобы полностью уяснить себе ленинскую постановку вопроса о «наследстве», надо конечно хорошенько запомнить то, что Ленин пишет о разнице между «просветителями» и «народниками». Но чтобы как следует учесть эту разницу, надо вновь и вновь вспомнить, как в «Друзьях народа» Ленин оценивал само народничество.

Ленин строго отличал народничество 70-х годов от народничества 90-х годов. «Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм», писал В. И. (I, 165).

Молодой Ленин яснее, чем кто бы ни было из русских марксистов тогдашней эпохи, отдавал себе отчет в том, что народничество — направление мысли «насквозь буржуазное», что «протест народников против капитализма остается на почве капиталистических отношений». Ленин сумел уже тогда показать, что народники «превращаются из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии» (I, 301). Ленин уже и тогда охарактеризовал народников как «идеологов жалкой буржуазии, боящейся не буржуазности, а лишь обострения ее, которое одно только и ведет к коренному изменению» (I, 351). Уже на заре своей политической деятельности, 40 лет назад, Ленин видел ясно, что народники «постоянно сливались с российским либеральным обществом целым рядом постепенных переходов» (I, 236), что «народник в теории точно так же является двуликим Янусом, который смотрит одним лицом в прошлое, другим — в будущее» (I, 359). Уже в «Друзьях народа» Ленин открыто обвинял народничество в «мещанском оппортунизме» (I, 173) и заявлял, что у народников получилась программа, «выражающая только интересы радикальной буржуазной демократии» (I, 175), что они «реакционны по отношению к пролетариату» (I, 181).

И однако в тех же самых ранних своих работах Ленин учил видеть в тогдашнем народничестве и другую его сторону: прогрессивную, революционно-демократическую, пока дело шло о борьбе против крепостничества, о низвержении царского самодержавия, — ту сторону тогдашнего народничества, заметим тут же, которая и позволяла таким людям, как Щедрин, сотрудничать с народниками. «Отвергать всю народническую программу целиком без разбора было бы абсолютно неправильно, — писал тогда же Ленин. — В ней надо строго отличать ре-

волюционную и прогрессивную сторону. Марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше» (I, 359, 360). Ленин говорил о «некоторых заветах старого русского народничества, ценных для марксизма» (I, 270), имея в виду революционно-демократические «заветы». Называя народнических «друзей народа» «идеологами мещанства», Ленин — и здесь главное отличие его подхода к проблеме народничества от всех русских марксистов того времени, не исключая и Плеханова, — считает необходимым еще объяснить народнические идеи, показать их материальное основание в современных наших общественно-экономических отношениях, показать, как и почему «между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь» (I, 140). Эти оценки народничества стояли у Ленина в тесной связи с его будущим лозунгом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в первой русской революции. Эти оценки «классического» (по выражению Ленина) народничества были и остались верными, несмотря на то, что, когда на очередь дня в России стала диктатура пролетариата, современные нам «народники» из буржуазных революционеров превратились в контрреволюционеров, а затем в пособников и агентов буржуазной реставрации.

Ленинские работы «Что такое «друзья народа» и «От какого наследства мы отказываемся» теснейшим образом связаны друг с другом. Его двуединая оценка народничества в эпоху стоявшей в России на очереди буржуазной революции теснейшим образом связана с его программными заявлениями о «наследстве». Только в свете приведенных его оценок «просветителей» и «народников» становится ясно, от какого наследства не отказывался Ленин и не отказываются большевики. Именно из этих общих оценок должны мы исходить, ставя вопрос о наследстве Щедрина.

А остались ли в печати прямые заявления Ленина об его отношении конкретно к наследству именно Щедрина? Остались! В следующих главах мы еще остановимся на некоторых из них. Здесь же мы приведем одно из итоговых заявлений В. И. и при том довольно позднего времени, а именно 1912 года.

Ленин полемизирует с либералами-веховцами. Полемизирует в такую эпоху, когда русский либерализм еще склонен ридиться в тогу демократизма.

В 1912 г. Ленин пишет замечательную статью «Памяти Герцена», изобличая либералов в том, что они пытаются хватать за фалды Герцена, в то же время «тщательно скрывая, чем отличался революционер Герцен от либерала» (XV, 464). Политическое наследие «либерала Тургенева» (XV, 467), «подлого либерала Кавелина» Ленин отдает «по принадлежности» либеральной России. О Герцене же пишет:

«Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела...

Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (XV, 465—468).

Вскоре Ленин вновь обращается к той же теме, когда либералы-веховцы пытаются ухватиться за фалды Некрасова и Щедрина. Даже такие столпы русского национал-либерализма, как «вехисты» Струве и Изгоев, пытаются еще в эту эпоху «родными счастьем» с Некрасовым и Щедриным.

Русская либеральная буржуазия против всякой революции, она за сделку с царской монархией. Но «на худой конец», если революция и разразится, ведь это будет «буржуазная революция», и «стало быть» власть в ней обязательно достанется буржуазии — это ей «гарантировали» меньшевики и «сам» Плеханов. Именно на этот случай необходимо заблаговременно подумать о средствах, пригодных для успешного оседлания демократического движения масс; одно из этих средств — подержаться иногда за фалды таких людей, как Некрасов и Щедрин, сделать вид, будто наследство этих великих писателей принадлежит либеральной буржуазии.

Ленин разоблачает между прочим и этот прием «передовых» буржуа. В статье «Еще один поход на демократию» он останавливается на этом специально.

Ленин отнюдь не желает «уступить» кому бы то ни было не только наследство Чернышевского, но и наследство Некрасова и Щедрина. В названной статье он пишет:

«Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты вроде Щепетова, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...

«Неверный звук» — вот как называл Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеил их формулой «применительно к подлости» (XVI, 132—133; последняя разрядка моя.— Г. З.).

Ленину «нестерпимо видеть», как гг. Струве и Изгоевы хватаются за фалды Щедрина. Ленин напоминает вехистам, как беспощадно издевался над либералами Щедрин и как он «навсегда» заклеил буржуазный либерализм. Чтобы правильно ответить на вопрос о том, как относятся большевики к наследству Щедрина, — надо прежде всего запомнить приведенное заявление Владимира Ильича, сделанное в 1912 г. Оно имеет огромное значение для нашей темы.

Наследство М. Е. Салтыкова-Щедрина большевики считают своим примерно в том же смысле, в каком Ленин считал нашим наследство Н. Г. Чернышевского, Добролюбова, Некрасова. Если же сопоставить отношение Ленина к наследству одного Н. Г. Чернышевского и одного М. Е. Салтыкова-Щедрина, то конечно тут надо внести «поправку» на то, что Чернышевский являлся великим ученым, вождем, героем и мучеником направления, а Щедрин по преимуществу — великим художником и публицистом, лишь в ранней молодости лично участвовавшим в кружке Петрашевского, а затем отдавшимся исключительно литературе; и кроме того надо принять во внимание, что в общественной деятельности Щедрина были отдельные «сбои».

II

М. Е. Салтыков в ранней молодости отдался идеям утопического социализма. В его «За рубежом» — произведении, содержащем много автобиографических показаний, — Салтыков рассказывает, как, только что оставив школьную скамью, он примкнул к западникам. «Но не к большинству западников, а к тому неизвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. Разумеется, не к Франции Луи Филиппа и Гизо, а к Франции Сен-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Санда. Оттуда лилась на нас вера в человечество». Объясняя, как именно он и та молодежь, с которой он единомыслил, «инстинктивно прилепилась» к названным французским именам, Щедрин писал: «В России мы существовали лишь фактически или, как в то время говорились, имели «образ жизни»... Но духовно мы жили во Франции. Россия представляла собой область как бы застланную туманом, в которой даже такое дело, как опубликование «Собрания русских пословиц», являлось прихотливым и предосудительным». Другое дело — тогдашняя Франция. «Можно ли было, имея в груди молодое сердце, не пленяться этою неистощимостью жизненного творчества, которое вдобавок отнюдь не соглашалось сосредоточиться в определенных границах, а рвалось захватить все дальше и дальше?»

Не к «Европе» вообще, не к «Франции» вообще прилепилось тогда сердце молодого Щедрина, а к тому французскому, тому европейскому общественному течению, кото-

ЛЕНИН И БЕБЕЛЬ

Мальчик в штанах: Иди, милый драчунишка, сюда, я тебя помирю с твоими камадами...

Мальчик без штанов: Натко выкуси!..

Карикатура П. Н. Лепешинского 1905 г.

Музей Революции, Москва

рое теснее всего связано с именами Сен-Симона, Кабэ, Фурье. О французской буржуазии Щедрин писал в «За рубежом» в следующих выражениях: «Современному французскому буржуа ни героизм, ни идеалы уже не под силу. Он слишком отяжелел, чтобы не пугаться при одной мысли о личном самоотвержении, и слишком удовлетворен, чтобы нуждаться в расширении горизонтов. Он давно уже понял, что горизонты могут быть расширены лишь в ущерб ему». Правящего французского буржуа Щедрин клеймил за «безыдейную сытость» и все надежды возлагал на те силы, которые складывались и крепили в противобуржуазном лагере. «Ясно, что идет какая-то знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипят и клокочут с очевидной решимостью пробиться наружу. Исконное течение жизни все больше и больше заглушается этим подземным гудением; трудная пора еще не наступила, но близость ее признается уже всеми» («Мелочи жизни»).

М. С. Ольминский был прав, когда писал о Щедрина, что он был «социалист-утопист — идеолог всех трудящихся и эксплуатируемых: они еще не дифференцировались в его сознании на класс прошлого и класс будущего». Да, если попытаться в самой общей форме охарактеризовать мировоззрение Щедрина, то приходится остановиться именно на этой формуле: социалист-утопист. Но, во-первых, прав М. С. Ольминский, когда он тут же прибавляет: «Конечно непонимание того, что мелкий производитель играет в общественной эволюции роль, весьма отличную от роли пролетария крупного производства,— это непонимание не является индивидуальной виной Щедрина или его современников: оно лишь идеологическое отражение недостаточного развития противоречий капиталистического строя». А во-вторых — и это главное — надо помнить, как учил Ленин относиться к «наследству» великих социалистов-утопистов. А Ленин в одной из самых замечательных своих статей («Две утопии») писал по этому поводу, как известно, так:

«Надо помнить замечательное изречение Энгельса: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле».

«Энгельс высказал это,— пишет В. И.,— по поводу утопического социализма: этот социализм был «ложен» в формально-экономическом смысле. Этот социализм был «ложен», когда объявлял прибавочную стоимость несправедливостью с точки зрения законов обмена. Против этого социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне «естественно» вполне «справедливо».

«Но утопический социализм был прав в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь к началу XX века в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому» (XVI, 165).

М. Е. Салтыков был социалистом-утопистом. Характеристика «утопист» на первый взгляд плохо вяжется со всем суровым обликом Щедрина, с его знанием жизни, с его поразительным знанием своей страны, с его глубоким, ироническим умом. И тем не менее это так. Когда Щедрин хочет показать выход, показать новую дорогу своей стране, своему народу, он является только одним из «предвестников» того класса, который к началу XX века вырос в массовую силу, способную положить конец капитализму. То, что Щедрин называл «прикладной частью теории» социалистов-утопистов, не давало реального выхода из положения. Это Щедрин сознавал и сам. Поэтому он не настаивал на этой «прикладной» части. Но он не шел — и в силу всей тогдашней обстановки не мог идти — дальше общих положений утопического социализма. «Ведь и Фурье был великий мыслитель, а вся прикладная часть его теории оказывалась более или менее несостоятельной и остаются только общие неумирающие положения» (из письма Щедрина к Утину от 2 января 1881 г.)⁴. Щедрин намекает в этом письме, что сказанное им о Фурье относится и к Чернышевскому, и к нему самому. «Это дало мне повод задаться более скромной миссией», продолжает Щедрин. Оставшись при «общих не умирающих положениях» утопического социализма, он берется за такие конкретные темы, как семья, собственность, государство. «Я обратился к семье, собственности и государству... На принцип семейственности написаны мною «Головлевы», на принцип государственности «Круглый год»⁵.

«Ошибка утопистов, — говорил Щедрин, — состояла в том, что они, так сказать, учитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями». Но «как ни восставайте против так называемых утопий, без них истинно плодотворная умственная жизнь все-таки невозможна».

Да, «взятый в целом» Щедрин был «только» социалистом-утопистом. Однако в той же Франции он умел видеть не только Фурье и Сен-Симона, но и парижских коммунаров. В одном из своих злых писем (в письме к Анненкову), направленных против Тургенева, которого он всегда трактовал как неисправимого либерала, Щедрин писал: «Какое, однако, слово Тургенев выдумал «нигилисты» — всякая собака им пользуется. Во Франции есть, впрочем, другое словечко: коммунар, тоже не без значения!»⁶ В нескольких словах здесь вскрыта вся пропасть, существовавшая между Щедриным и людьми лагеря Тургенева.

Коммунар — слово тоже не без значения. Одного этого замечания, брошенного такому писателю, как Тургенев, достаточно, чтобы видеть, в каком направлении отмежевывался от лагеря просвещеннейших либералов М. Е. Салтыков-Щедрин. Конечно Щедрин не мог даже в отдаленной степени дать того анализа событий 1871 г., который человечество получило из рук Маркса в форме гениальной «Гражданской войны». Это лишь в малой форме оказалось посильным даже Чернышевскому. Но сердце Щедрина было с парижскими коммунарами. «Неумирающие положения» Парижской коммуны он воспринял так, как мог их воспринять русский социалист-утопист.

Несколько ранее этого письма — в конце 1871 г., т. е. по свежим следам кровавого «усмирения» парижских коммунаров, — Щедрин сделал попытку отозваться на события Парижской коммуны в русской подцензурной печати. Пятая глава его «Итогов» была посвящена именно этой теме. И хотя Щедрин пустил тут в ход все искусство Эзопа, хотя он всеми силами старался запятать от цензоров как можно глубже подлинный смысл этой главы, — никакие иносказания не помогли. По требованию цензуры эта глава была изъята из «Отечественных Записок», и ни в первом, ни во втором (значительно урезанном и смягченном) вариантах вещь эта не смогла увидеть света. Эта часть «Итогов» была впервые напечатана только в 1914 г., да и то не полностью.

Щедрин клеймит в ней «приговор уличного ареопага», который называет «анархией» всякую попытку «прикоснуться к вопросам, имеющим общественный характер», и вскрывает подлинный смысл буржуазных, в том числе буржуазно-либеральных, криков об «анархии» коммунаров. Характеризуя хулителей Коммуны, Щедрин пишет: «В одно прекрасное утро вылезли из нор люди дикого вида с такими ожирелыми затылками, представление о которых даже среди нас утратилось со времени упразднения крепост-

ного права». Щедрин берет под свою защиту «страшные слова»: «ломать», «разрушать», «уничтожать». «Вредный или полезный смысл этого слова («ломать») совершенно зависит от того, на какой предмет простирается его действие». «Замечательно,— пишет далее Щедрин,— что никогда анархисты мнимые, т. е. сторонники прогресса, не действуют с таким поразительным ожесточением, с такой ужасающей бесповоротностью, с какой всегда и везде поступают анархисты успокоения. Одиочалые консерваторы современной Франции могут служить тому очень убедительным примером. Они в одни сутки уничтожают более жизней, нежели сколько уничтожили их с самого начала междоусобия наиболее непреклонные из приверженцев Парижской коммуны! Нет спасения от одиочалого охранителя, да и не для чего искать его! Искать спасения — значит только обрести лишнее унижение, лишнюю подготовительную жестокость к жестокости последней, окончательно вырывающей жизнь. Ибо анархия успокоения изобретательна до утонченности в своих истязаниях. Она любит видеть судороги и тоску своей жертвы и только когда натешится вдоволь зрелищем этих судорог, только тогда отсекает ненавистную ей голову». Торжество версальцев «посекает жатву будущего» — в этой форме Щедрин заявляет, что будущее, несмотря ни на что, принадлежит наследникам парижских коммунаров. «Золотой век не позади, а впереди нас» — сказал один из лучших людей нашего времени (Пьер Леру — «De l'Humanité» etc.), пишет Щедрин.

М. Е. Салтыков-Щедрин ссылается не на Маркса, а на сенсимониста Пьера Леру (умер во время Коммуны в Париже). Это конечно характерно для утопического социализма Щедрина. Но его горячее сочувствие коммунарам, его ненависть к «жирным замылкам» и «одиочалым» «консерваторам Франции» да и всего мира не подлежат никакому сомнению⁷.

Послушайте, как относится Щедрин к антиподам парижских коммунаров.

В письме (от 2 декабря 1875 г.) к тому же Анненкову он говорит: «Вот насчет государственности и национальности надо бы что-нибудь еще сказать, благо Франция — прекраснейший пример — перед глазами. Как ее распинают эти сукины дети в Национальном Собрании! Так поедом и едят. Вот и чужая сторона, а сердце по ней надывается. Где такое собрание истинных извергов найдешь»⁸. Это писано через 4 года после поражения парижских коммунаров. Что все симпатии Щедрина на стороне этих последних — в этом не может быть, повторяем, никаких сомнений.

Общим «неумирающим положением» современного ему русского — революционного движения Щедрин тоже глубоко предан. Он является великим русским революционным демократом примерно в том же смысле, в каком великим русским революционным демократом Ленин называл Чернышевского (см. его статью «О национальной гордости великороссов»).

Прочитайте, как хранит Щедрин в своем сердце образ Чернышевского, как клеймит он тех «примиренных» декабристов и петрашевцев, которые покупали себе возвращение из ссылки припаданием к стопам царского трона. «Хочу написать рассказ «Паршивый», — пишет он в 1875 г. — Чернышевский или Петрашевский — все равно. Сидит в мурье среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают «боже царя храни». А он (т. е. Чернышевский) остался равнодушен ко всем надругательствам и все в нем старая работа, еще давно-давно до ссылки начатая, продолжается. Ужасно только, что вся эта работа в заколоченной клетке заперта... Нет ничего кроме той прежней работы — и только. С нею он может жить, каждый день он эту работу думает, каждый день ее пишет и каждый день становой пристав, по приказанию начальства, отнимает эту работу. Но он и этим не считает себя в праве обижаться: он знает, что так должно быть»⁹.

Посмотрите, как непримиримо воспринимает Щедрин нападки на революционеров, исходящие от Тургенева или от писателей около Тургенева: «На днях Тургенев сообщил мне, что Сологуб желает прочесть свою комедию и просит устроить так, чтобы я был в числе слушателей. Я поехал в Буживаль (Щедрин временно жил тогда в Париже.—Г. З.) на это чтение, не без основания полагая, что будет читаться какая-нибудь глупость вроде «Беды от нежного сердца» и никак не полагая, чтобы Сологуб позволил себе привлечь меня к слушанию какой-нибудь подлости. Но оказалось, что Сологуб не имеет никакого

понятия о том, что подло и что не подло. В комедии действующим лицом является нигилист-вор... Со мной сделалось что-то вроде истерики. Не знаю, что я говорил Сологубу, но Тургенев рассказывает, что я назвал его бесчестным человеком»¹⁰.

А вот отзывы о тургеневской «Нови» — сразу после ее прочтения Щедриным. «Что касается меня, то роман этот, показался мне в высшей степени противным и неопытным... Я совершенно искренне думаю, что человек, писавший эту вещь, выжил из ума, во-вторых, потерял всякую потребность нравственного контроля над самим собой... Что касается до так называемых «новых людей», то описание их таково, что хочется сказать автору: старый болтунище! Ужель даже седые волосы не могут обуздать твоего лганья. Перечтите паскудные сцены переодевания, сжигания письма, припомните, как Нежданов берет подводу и вдруг начинает революцию, как идеальный Соломин говорит: делайте революцию, только не у меня во дворе... Все это можно писать лишь впадши в детский возраст»¹¹.

Известно, что Щедрин выступил против «Нови» в печати и, когда цензура не пропустила этой работы в «Отечественных Записках», она была напечатана за границей в Женеве («Чужую беду руками разведу»).

Характерная для Щедрина мелочь. Побывав в 1875 г. на курорте в Баден-Бадене, он пишет Анненкову: «Впечатления, оставленные во мне этой благовонной дырой, далеко не приятны. Такого совершеннейшего сборища всесветных хлыщей я до сих пор еще не видал и вынес из Бадена еще более глубокую ненависть к так называемому русскому культурному слою, чем та, которую питал, живя в России»¹².

Прочитайте отклик Щедрина на судебный процесс по делу Нечаева. Вспомните, в какой обстановке разбиралось это дело, как была по этому поводу вся «патриотическая», в том числе и «прогрессивная», печать. Вспомните, как трудно было в это время в какой бы то ни было форме в подцензурной печати взять под защиту революционное движение в России. И все же таки Щедрин пишет статью «Так называемое «нечаевское дело» и отношение к нему русской журналистики» — статью, в которой он едко высмеивал «благонадежную» печать, вопящую о «накоплении неблагонадежных элементов», о «распространении по всему лицу земли коммунизма и других вредных учений». И все же таки Щедрину удается зло высмеять охранительную прессу и ее «фельетонистов и составителей leading'ов», набросившихся взапуски на русских «нигилистов» и «сравнивавших наших заговорщиков с парижскими коммунастами». В то же время в художественном очерке «Наши бури и непогоды» Щедрин высмеивает умеренного либерала, который настолько потрясен зловещими слухами о правительственных репрессиях, что перестает доверять своей собственной политической благонадежности и решает «самообмыскаться» (см. «Неизвестные страницы»).

В письмах своих Щедрин тоже не раз откликается на происходящие в то время другие политические процессы. «А у нас между тем политические процессы своим чередом идут, — пишет Щедрин Анненкову 15 марта 1877 г. — На днях один кончился (вероятно по газетам знаете) каторгами и поселениями, только трое оправдано, да и тех сейчас же спровадили в места рождения. Я на процессе не был, а говорят, были замечательные речи подсудимых. В особенности одного крестьянина Алексева и акушерки Бардиной. Повидимому, дело идет совсем не о водевиле с переодеванием, как полагает Иван Сергеевич (намек на тургеневскую «Новь»). Дело идет о знаменитом процессе 50-ти, на котором один из первых рабочих-революционеров Петр Алексеев (любопытно, что Щедрин называет его не рабочим, а «крестьянином») произнес свою знаменитую речь. Об удельном весе этого судебного процесса Щедрин повидимому до известной степени догадывается.

Письма Щедрина особенно важны потому, что только в них он может высказаться более откровенно и в них иногда в чрезвычайно яркой форме прорывается настроение великого писателя, связанного по рукам и ногам царской цензурой. Вот например такой отрывок (от 25 ноября 1876 г.): «Тяжело жить современному русскому человеку и даже несколько стыдно. Впрочем, стыдно еще не многим, а большинство даже людей так называемой культуры просто без стыда живет. Пробуждение стыда есть самая в настоящее время благодарная тема для литературной разработки, и я стараюсь по

возможности трогать ее. Но как это трудно и унижительно рабстать, как я работаю, вы себе представить не можете. Вообще, у меня как-то руки опускаются, и я чувствую, что скоро совсем стану в тупик. Главное — утратилась всякая охота к писанию. Просто думается, что вместо всякого писания самое лучшее наплевать в глаза. А тут еще сиди, всякую форму придумывай, рассчитывай, чтобы дураку было смешно, а сукину сыну на совсем обидно»¹³.

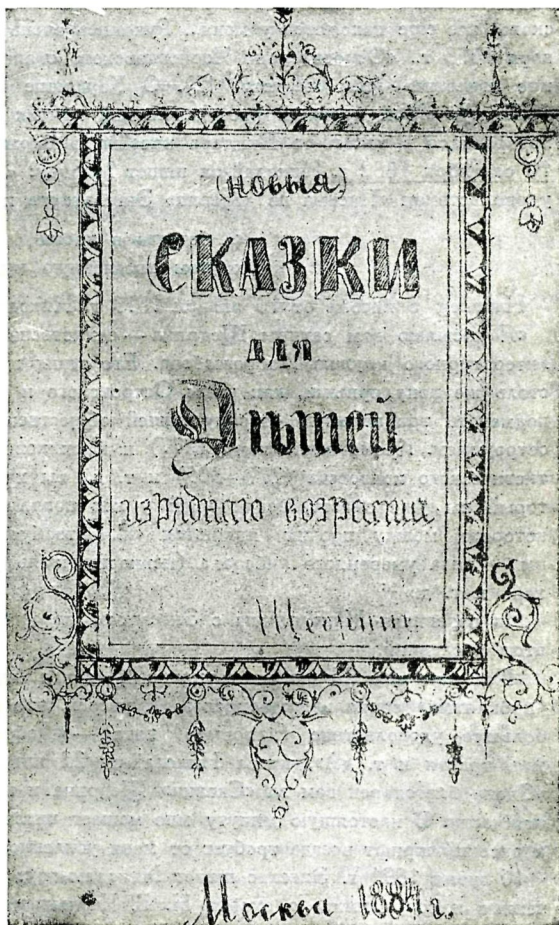
Этого отрывка достаточно, чтобы и современный читатель мог хоть немножко перенестись в ту обстановку, когда писал Щедрин, учесть, почему многое выливалось у него в ту внешнюю форму, которая так характерна для всего его творчества, и вдуматься в реальный смысл, в подлинное содержание его произведений...

III

Здесь уместно будет вспомнить о том, что Щедриным в свое время интересовались и Маркс с Энгельсом.

Маркс и Энгельс, как известно, читали по-русски и изучали в оригинале нескольких русских авторов, сочинениями которых они особенно интересовались. Оба они читали, а Маркс прямо и изучал некоторые произведения Щедрина.

Работы Салтыкова-Щедрина Марксу и Энгельсу присылал из России главным образом Николай-он (Даниэльсон). С последним Маркс и Энгельс познакомились через Г. А. Лопатина.

ОБЛОЖКА НЕЛЕГАЛЬНОГО ЛИТОГРАФИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ СКАЗОК ЩЕДРИНА
МОСКВА, 1884 г.

Архив революции и внешней политики, Москва

Дело было так.

Г. А. Лопатин, который познакомился с Марксом и Энгельсом в Лондоне, взялся за перевод I тома «Капитала». Маркс и Энгельс, дружелюбно расположенные к Лопатину и очень его ценившие, охотно передали в его руки это дело (в то время в России подлинных марксистов еще не было). Но Лопатин вскоре был арестован, и тогда перевод I тома «Капитала» перешел в руки Николая-она, с которым Лопатин был близок лично. Николай-он выполнил эту работу по тогдашней обстановке удовлетворительно и среди малопосвященной публики на время прослыл даже марксистом. В действительности он им никогда не был, а впоследствии стал одним из самых ярких представителей русского народничества. В 1893 г. он издал книгу «Очерки нашего пореформенного хозяйства», которая вместе с работами В. В. (Воронцова) служила главным экономическим обоснованием народнических взглядов. Книгу Николая-она Ленин подробно разбирал в «Развитии капитализма» и в ряде других своих работ.

В связи с тем, что Николай-он стал переводчиком «Капитала», он завязал большую переписку с Марксом и Энгельсом. Маркс писал ему под именем «Вильямса», а Энгельс под именем «Рошера». Николай-он все время снабжал Маркса и Энгельса русскими материалами. Он же послал им довольно много книг Салтыкова-Щедрина.

В связи со всем этим в переписке Маркса и Энгельса с Николаем-оном можно найти некоторые важные отзывы Маркса и Энгельса о русских авторах.

В письме от 9 ноября 1871 г. Маркс пишет Николаю-ону: «С сочинениями Добролюбова¹⁴ я отчасти уже знаком. Я сравниваю его как писателя с Лессингом и Дидро» (цитирую по «лопатинскому» изданию переписки, стр. 6). В письме от 12 декабря 1872 г. Маркс пишет: «Присланная вами рукопись («Письма без адреса» Чернышевского) все еще находятся у меня... Рукопись очень интересна» (там же, стр. 10). 18 января 1873 г. «Относительно Чернышевского скажу — значительная часть его сочинений мне известна» (там же, стр. 12). О Кауфмане Маркс пишет Николаю-ону (10 апр. 1879 г.): «Мой прежний рассудительный критик в петербургском «Вестнике Европы» превратился в какого-то Пиндара новейшего биржевого плутовства» (там же, стр. 25). 10 сентября 1882 г. Николай-он пишет Марксу: «Я уверен, что вы прочтете с большим удовольствием «Письма из деревни» Энгельгарта и Некрасовскую

«... бедную в крови
кнутом изсеченную музу»¹⁵.

Наконец в письме от 16 января 1873 г. Николай-он пишет Марксу следующее:

«Я посылаю вам сатиры Щедрина — единственного уцелевшего умного представителя литературного кружка Добролюбова. Его типы при самом появлении своем сделались столь же популярными, как типы Островского и т. д. Никто не умеет лучше, чем он, подмечать тривиальную сторону нашей общественности и высмеивать ее с большим остроумием. Кроме нечаевского (277) и мясниковского (101) дел, международного статистического конгресса (277—305) и т. д., вы найдете здесь характеристики типа, который вы уже знаете, но который у нас появляется лишь сейчас и представителями которого, между прочим, являются «С.-Петербургские Ведомости» и «Вестник Европы», — типа умеренного либерала (пенкосниматель у Щедрина), V, IV, типа концессионера и т. д.»¹⁶

Из переписки Николая-она с Энгельсом известно, что Щедриным интересовался и этот последний.

«Посылаю вам 23 сказки сатирика Щедрина, где вы найдете обсуждение некоторых «проклятых» социальных вопросов. Я уверен, что многие из этих сказок доставят вам большое удовольствие (например пятая — «Добродетели и пороки», вторая, четвертая, третья и т. д.)», писал Николай-он 22 января 1887 г., а Энгельс отвечал ему: «Очень благодарен вам за «Сказки» Щедрина и непременно прочту их при первой возможности. В настоящую минуту мне мешает читать легкий конъюнктивит левого глаза, а русский шрифт всегда требует от меня усиленного напряжения зрения»¹⁷.

10 июня 1891 г. Энгельс пишет Николаю-ону: «Мы слышали здесь с большим огорчением и сочувствием о смерти Н. Г. Чернышевского. Но, может быть, для него это

было лучше» (Энгельс, имеет в виду трагизм положения Чернышевского, которого «блокировало» не только царское самодержавие, но и либеральное «общественное мнение». 18 июня 1892 г. Энгельс пишет тому же адресату: «Мне нужно еще поблагодарить вас за те книги, которые вы имели любезность прислать мне, в особенности за Кабукова и Карышева». И так — до самой смерти Энгельса Николай-он снабжает его русскими книгами, как раньше снабжал и Маркса.

Возможно, что сочинения Щедрина Маркс и Энгельс добывали еще и помимо Николая-она. Во всяком случае совершенно точно установлено, что ряд произведений Щедрина Маркс проштудировал очень внимательно.

В работах Б. Николаевского¹⁸ и Ф. Гинзбурга¹⁹ подробно описаны уцелевшие русские книги в библиотеках Маркса и Энгельса, т. е. подчеркивания на этих книгах, выписки, попытки переводов, заметки на полях. Среди этих книг (часть их хранится — точнее хранилась, ибо неизвестно, что сделали теперь с этими книгами господа фашисты, — в партийном архиве германской социал-демократии в Берлине) наряду с Чернышевским оказался и Салтыков-Щедрин. Из числа работ последнего, как явствует из упомянутых описаний, в руках Маркса побывали: 1) «Господа ташкентцы», 2) «Дневник провинциала в Петербурге», 3) «Убежище Монрепо» и 4) «За рубежом».

Возможно, что Маркс проштудировал и другие книги Щедрина кроме тех, которые удалось обнаружить до сего времени. После смерти Маркса его книги перешли к Энгельсу. Энгельс и Элеонора Маркс решили передать большую часть русского отдела библиотеки Маркса П. А. Лаврову, тогда самому авторитетному из представителей русской революционной эмиграции. От Лаврова большинство этих книг (строгой описи не было сделано) перешло в общее пользование к Тургеневской библиотеке в Париже. Другая часть русских книг Маркса после смерти Энгельса попала в архив германской социал-демократии; там с этими книгами обращались достаточно небрежно, как и со всем наследством Маркса и Энгельса. Ряд русских книг, бывших в руках Маркса и Энгельса, исчез. В том числе не найдены «Сказки», безусловно бывшие в руках Энгельса.

Пометки на найденных экземплярах русских книг свидетельствуют, что Маркс во всяком случае прочел — и с громадным вниманием и тщательностью — «Господа ташкентцы», «Дневник провинциала» и «Монрепо». Кроме множества подчеркиваний сохранилось полностью одно замечание Маркса о Щедрине и обнаружены следы другого замечания, прочесть которое не удалось (переплетчик чрезмерно обрезал края).

Из подчеркиваний Маркса видно, что он читал Щедрина не из простого только эстетического интереса, а с глубоким политическим интересом, явно осведомленный о том, что у этого писателя он найдет много ценнейших материалов для суждения о классовом переплете в России, о настроениях в деревне, об «устремлениях» либералов, о положении на «верхах» среди сановной бюрократии, о назревании революционных настроений «в низах». Если взять книгу Салтыкова, побывавшую в руках Маркса, и читать ее не всю целиком, а только места, подчеркнутые им, то получается, как пишет один из тех русских обозревателей, которые имели возможность ознакомиться с этими экземплярами книг Щедрина (Гинзбург), впечатление «как если бы в эти карандашом отмеченные места была выжата вся квинтэссенция книги». Маркса особенно интересуют в книгах Щедрина описания взаимоотношений между крестьянином и помещиком, психология кающегося интеллигента, тревога на «верхах», двойственность настроений либералов и т. д. И действительно из приводимых текстов, которые отмечены Марксом, ясно, что это именно так. Маркс действительно «выжимал» всю политическую квинтэссенцию из прочитанных им работ Щедрина. Маркс не пропускает ни одной фразы, выражающей протест против царистской реакции, а в особенности выражающей надежду (или даже только тень надежды) на предстоящую в России революцию. Все места, так или иначе выражающие мысль о постепенном назревании революции, о том, что только «фаршированным головам» революция в России может показаться «внезапной», Марксом подчеркнуты особенно резко.

Словом, Маркс читал сочинения Щедрина так, как он читал самые важные для него источники о России, которой он, как известно, так сильно интересовался. Язык Щедрина для человека, для которого русский язык не является родным, был нелегок. Тем не менее Маркс, не жалея сил и времени, преодолевал эти трудности. Попадающиеся ему у Щедрина не очень обыденные, замысловатые слова он тщательно себе расшифровывает, подыскивая равнозначущие слова на немецком и французском языках²⁰. Каждый штрих у Щедрина, так или иначе воспроизводящий классовую борьбу в русской деревне (да и в городе), Маркс тщательнейшим образом отмечает. Каждая фраза, характеризующая отсталость, подневольную покорность, запуганность и забитость населения, отмечена. Но еще более внимательно, как мы уже говорили, отмечена каждая мысль у Щедрина, которая хотя бы вскользь выражает надежду на назревающую революцию.

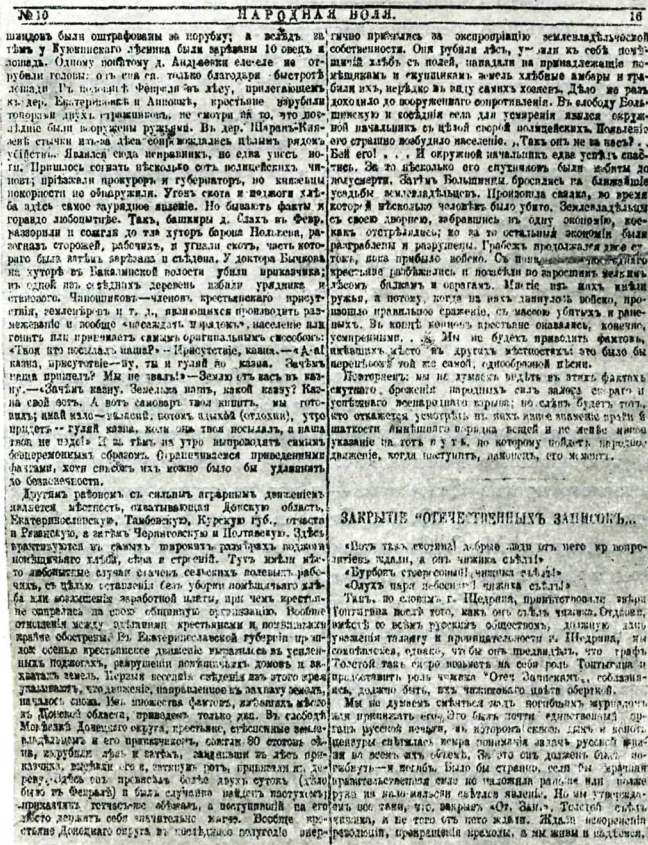
Единственный уцелевший точно сформулированный отзыв Маркса о прочитанных им сочинениях Щедрина относится к «Убежищу Монрепо», к последней главе его — «Предостережение». Но это замечание крайне ценно. Названная глава «Монрепо» — как помнит читатель, знающий Щедрина, — посвящена «кабатчикам, менялам, подрядчикам, железнодорожникам (т. е. конечно не ж.-д. рабочим, а железнодорожным акулам и хищникам — воротилам, спекулянтам и т. п. — Г. З.) и прочих мироедских дел мастерам». Именно в этом месте Щедрин возмущает: «Идет чума зыи! Идет и на вопрос, что есть истина? твердо и неукоснительно ответит: распивочно и на вынос!» Маркс тщательно отмечает все эти места о «чумазом» и все другие места, подчеркивающие зарождение в России многочисленного нового слоя деревенской и городской буржуазии. Эти места вызывают у Маркса большой интерес.

Но в «Предостережении» (в конце его) — в отличие от других произведений Щедрина — есть места, которые содержат как бы момент «положительной» проповеди. Вскрыв социальный смысл зарождения «чумазого» и обрисовав значение этого факта, Щедрин пытается как бы воздействовать на лучшую часть «новой» буржуазии. «Будь умерен и помни, что титул дирижирующего класса, влечет за собой не одни права, но и обязанности», «производи, не маклери», пишет Щедрин. Маркс тотчас же уловил нотки утопического социалиста, пытающегося «увечивать» представителей имущего класса, и т. п. И вот тут-то Маркс и делает свое замечание (на стр. 211 упомянутой книги Щедрина). Маркс пишет: «La dernière partie de la «Предостережение» est très faible; généralement l'auteur n'est pas fort heureux dans ses conclusions «positives» — т. е. Маркс говорит: «Последняя часть «Предостережения» очень слаба. Вообще автор не слишком счастлив в своих «положительных» выводах». Это — совсем небольшое по своим размерам замечание. Оно не развернуто. Но из него ясно, что Маркс не одобрял (и не мог одобрить) элементов утопизма в «положительных» выводах Щедрина и в то же время очень ценил у него его отрицательную характеристику царизма, помещичьего класса, буржуазии, «чумазого». Отметив слабость только «последней части» «Предостережения», Маркс тем самым выразил то, что предыдущие части слабыми ему отнюдь не показались. Да это видно и по целому ряду подчеркиваний, сделанных им при чтении.

Если бы Маркс развернул подробнее свою «рецензию», он так бы несомненно и сказал: «положительная» программа этого писателя слаба, ибо он не стоит на точке зрения пролетариата. Но его критика господствующего в царской России класса, его превосходная концентрированная ненависть к помещику, капиталисту, кулаку, к буржуазному «прогрессисту», его любовь к людям труда делает его нашим союзником. Его гневная сатира, бичующая русский царизм — оплот мировой буржуазной реакции — крайне полезна для нашего дела. Его предчувствие революционной грозы, выраженное местами с несокрушимой силой, есть один из симптомов того, что очистительная гроза действительно близка. Его гениальное перо художника-сатирика работает против злейшего врага всего мирового пролетариата, и этого достаточно для того, чтобы мы с доброжелательным вниманием следили за литературной деятельностью великого русского писателя.

Русский царизм — вот главный враг мирового освободительного движения, возглав-

ляемого пролетариатом; из этой основной оценки международного положения исходили тогда Маркс и Энгельс. Салтыков-Щедрин — должны были сказать себе они — ненавидит русский царизм и поддерживающие его внутренние и внешние силы настоящей нутряной ненавистью. У Щедрина в руках против царизма лишь определенный род оружия. Но этим родом оружия он владеет блистательно и наносит им серьезные удары общему врагу. Такой враг нашего врага — наш ценный союзник. Утопических слабо-

СТРАНИЦА № 10 ЖУРНАЛА «НАРОДНАЯ ВОЛЯ» ЗА 1884 г.
О НАЧАЛОМ СТАТИИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО ПО ПОВОДУ
ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

стей его «положительной» программы мы конечно не поддержим. А его работу великого писателя, бьющего по твердыням царизма, мы приветствуем...

Так и только так можно и должно «расшифровывать» приведенное замечание Маркса.

IV

Художественные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина были настолько монументальны, что в России ими для серьезнейших исследований, для ряда социологических обобщений пользовались и Н. Г. Чернышевский, и некоторые из самых выдающихся родоначальников русского марксизма — например Николай Евграфович Федосеев — на заре марксистской эпохи в русском революционном движении.

Напомним, что «Губернским очеркам» Щедрина Н. Г. Чернышевский посвятил большую работу, в которой он сравнивал это произведение щедринского пера с «Ревизио-

ром» и «Мертвыми душами». «Давно уже не являлось в русской литературе рассказов, которые возбуждали бы такой общий интерес, как «Губернские очерки» Щедрина, издаваемые г. Салтыковым. Главная причина громадного успеха этих рассказов очевидна каждому. В них очень много правды — правды очень живой и очень важной», писал в этой работе Н. Г. Чернышевский²¹. «Дух правды оживляет очерки Щедрина»²². «Ни у кого из предшествовавших Щедрину писателей картины нашего быта не рисовались красками более мрачными. Никто (если употребить громкие выражения) не карал наших общественных пороков словом, более горьким, не выставлял перед нами наших общественных язв с большею беспощадностью»²³. «Губернские очерки» мы считаем не только прекрасным литературным явлением — эта книга принадлежит к числу исторических фактов русской жизни»²⁴.

Эта оценка Чернышевского еще более важна, если вспомнить, что в интимном письме к Некрасову Чернышевский о внешних достоинствах «Губернских очерков» отзывался сдержанно, о содержании же говорит, что оно «замечательно»²⁵. «Очерки» его (т. е. Щедрина) производили эффект страшный на публику — это верно», пишет он в другом письме к Некрасову²⁶.

Из воспоминаний Л. Ф. Пантелеева известно, что личные отношения между Чернышевским и Щедриным долгое время были натянуты. «Причина следующая, — пишет М. С. Ольминский в рецензии на книгу Пантелеева²⁷. — В 1861 году Салтыков, будучи вице-губернатором в Твери, получил прокламацию «Великорусс» и представил ее начальству — по оплошности вместе с конвертом. Этот конверт, как говорили тогда, и послужил первой уликой против В. А. Обручева. Сам Обручев приписывает свой арест тому, что был узан извозчиком, на котором развозил письма²⁸. Против Салтыкова в литературных кругах возникло негодование; попытки объяснить не рассеяли предубеждения Чернышевского против Салтыкова — и это наложило печать на их отношения друг к другу на всю жизнь обоих». Ю. М. Стеклов в своей ценной работе о Чернышевском приводит эту выписку из М. С. Ольминского, снабжая слова «по оплошности» восклицательным знаком и давая тем понять, что он не верит, чтобы это была только оплошность Щедрина. Но Ю. М. Стеклов решительно ничем не подтверждает своей догадки. В только что вышедших воспоминаниях Е. П. Елисеевой (жены Г. З. Елисеева) об инциденте с конвертом рассказано подробно. «Помню я шум по этому поводу, недоумение и раздражение. Кажется, ему [Щедрину] было написано из редакции о тех неблагоприятных слухах и он приехал. Но слышала, что объяснением, данным им, был удовлетворен Чернышевский, после чего всякие нарекания прекратились. Спустя много лет, когда «Отеч. Зап.» процветали под редакцией Некрасова, Елисеева и Салтыкова, т. е. в 70-х годах, мне не раз приходилось выяснять этот факт негодующему поколению и удовлетворять их пытливые тем же несокрушимым доказательством, что Чернышевский не стал против него»²⁹.

Таково свидетельское показание Елисеевой, настроенной к Щедрину вообще говоря далеко не дружелюбно. Действительно: как Чернышевский мог «не стать против», если бы он не поверил Щедрину, — об этом Ю. М. Стеклов не подумал.

В работе последнего о Чернышевском вообще разбросано много необоснованных выводов против Щедрина, связанных с глубоко неправильной общей оценкой этого великого писателя у Стеклова. Об этом мы еще поговорим ниже.

Если личное предубеждение против Щедрина и существовало у Чернышевского, — никогда своих общих оценок того или другого писателя Чернышевский не ставил в зависимость от той или иной черты личной слабости данного писателя (так поступал, в скобках сказать, и В. И. Ленин, что видно хотя бы из вышеприведенной его оценки Некрасова). У Чернышевского это можно проверить на отношении его к тому же Некрасову. Известно, как много личных слабостей (да и не только личных, но и политических) было у Некрасова. Чернышевский лучше, чем кто бы то ни было другой, знал эти слабые стороны Некрасова. Его мучили «неверные звуки», которые исторгал иногда Некрасов у своей лиры. Он писал, что карточная игра Некрасова лично ему, Чернышевскому, была «ненавистна» (письмо к Пыпину от 25 февр. 1878 г.)³⁰. А общая оценка Чернышевским Некрасова? Вот она: «Если, когда ты получишь мое письмо,

Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем», так писал тому же Пыпину Чернышевский, узнав о том, что Некрасов при смерти³¹.

Что в этой оценке сказалось не просто лирическое отношение к замечательному поэту,— это видно из дальнейшего письма Чернышевского к тому же Пыпину: «О Некрасове я рыдал — просто рыдал по целым часам каждый день целый месяц после того, как написал тебе о нем. Но моя любовь к нему не имеет никакой доли в моем мнении об его историческом значении. Это значение — факт истории. И мне с моими личными склонностями нечего мешаться в оценку фактов. Это дело науки, а не личных вкусов ученого»³².

Вот критерии, с которыми подходит Чернышевский к оцениваемым им писателям. Он берет великих писателей как «факт истории», отвлекаясь от личных склонностей. Так подходил Чернышевский конечно и к значению Щедрина. И когда при общих оценках деятельности Щедрина нам указывают, что у него были слабости и «сбои», мы отвечаем: читайте и перечитывайте оценку, которую дал такой непримиримый революционер, как Чернышевский, такому во многих отношениях очень уязвимому писателю, как Некрасов!

Щедрин «не был в практической жизни идеалом гражданской добродетели», пишет Ю. М. Стеклов³³. Допустим, что это так. Но это не могло изменить и не изменило общей оценки Щедрина Чернышевским. И к самому концу своей жизни Н. Г. Чернышевский остался верен своей высокой оценке Щедрина как писателя. В беседах с Рейнгартом в Астрахани (июнь 1886 г.) Чернышевский резко критиковал слабые стороны в литературной деятельности Г. И. Успенского (постоянно-де «открывавшего какие-то неведомые страны и каких-то диких людей») и заявлял, что «высоко ценит Щедрина», который отличался, по его словам, обширным образованием. «Да, этот человек широкого политического развития, не то, что другие», говорил Николай Гаврилович.

Чернышевский знал личные слабости и Некрасова, и Щедрина. Но он знал, сколько много великого дали русской литературе и тот и другой.

Кто хочет знать действительную оценку Щедрина Чернышевским, тот пусть читает и перечитывает работу Чернышевского о «Губернских очерках»...

Выше мы упоминали о Н. Е. Федосееве.

В. И. Ленин пишет, что Федосеев «был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению», что «во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытывала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» (XXVII, 376).

Н. Е. Федосеев долго и добросовестно работал над историей падения крепостного права в России. Он написал на эту тему большую работу, которая по свидетельству всех читавших ее (рукопись повидимому погибла в департаменте полиции) представляла собой громадную ценность. Об этой работе Мартов, читавший рукопись Федосеева в ссылке, пишет, что она была «посвящена объяснению отдельных моментов «эпохи великих реформ», что рукопись «свидетельствовала о солидности предпринятой Федосеевым работы и обещала обогатить литературу ценным марксистским трудом»³⁴.

И вот одна из важнейших глав этого исследования Федосеева — глава, рассматривавшая заключительный период крепостного хозяйства, — целиком была построена на «Пошехонской старине», «Господах Головлевых» и других сочинениях Щедрина³⁵. Один из современников Федосеева М. И. Семенов (Блан) рассказывает, что «эта работа Федосеева — обработка содержания «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина с точки зрения марксистского понимания экономических причин падения крепостного права —

читалась Скляренко и мною и затем была передана Владимиру Ильичу»³⁶. То же подтверждает и Н. Сергиевский.

А. П. Скляренко был ближайшим единомышленником и товарищем Ленина в «самарский» период Владимира Ильича (1889—1893). Третьим в их тогдашнем кружке был И. Х. Лалаянц. Этот последний пишет: «Я читал эту рукопись полностью, со всеми замечаниями Владимира Ильича, сделанными им карандашом тут же на полях рукописи... Вл. Ильич отнесся очень одобрительно к ней, как к первой серьезной попытке выявить основные причины отмены крепостного права с марксистской точки зрения. Замечания же Владимира Ильича в общем, я это помню, сводились к отдельным частностям, к отдельным местам, недостаточно полно освещенным Федосеевым»³⁷.

Выводы, которые у него (Федосеева) уже запрашивались в результате работы над архивными данными или статистическими исследованиями, получили особую выпуклость и быстрее формулировались благодаря тому, что он опирался еще на монументальные работы Щедрина — так понимает процесс работы Федосеева его близкий друг Сергиевский. «Самим Щедриным — вернее говоря, его описанием эксплуатации крепостного труда — Н. Е. пользовался на том же основании. Я указываю на статью по Щедрину, как на первоначальный набросок его работы»³⁸.

Н. Е. Федосеев был одним из первых русских марксистов (по всем своим личным связям к тому же близкий к Ленину), который не только изучал и оценивал сочинения Щедрина, но и пользовался ими как пособием в освещении крестьянского вопроса в России. Работа Федосеева о Щедрине не увидела света и до нас не дошла. Но в письме к Н. К. Михайловскому от 19 марта 1894 г. (только в 1933 г. напечатанном в № 7—8 «Литературного Наследства») мы находим следующее глубоко интересное место:

«Вы говорите, что мы «попираем отцовские идеалы». Этого нет и не может быть. С нашей стороны нужно быть крестинами и нравственными квазимодо, чтобы «попирать» идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова, Н. К. Михайловского. Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей... Мы дорожим этими именами, как самым лучшим, драгоценным достоянием русской мысли... Но что же нам делать, когда «отцы» или отступили назад, или ничего не хотят знать нового, не хотят понять новой жизни и ее мучительных запросов, а только мечут громы и молнии против тех, кто должен был сделать шаг вперед, вынужденный к тому изменившимися условиями самой жизни?»

Хотя мы и называем Вас и подобных Вам «утопистами», но это ничуть не мешает нам считать Ваше направление самым близким для нас. И это не только в силу важности для нас «критического элемента» Ваших произведений, но и потому еще, что те «утописты», которые вместе с Салтыковым убеждены, что «формы правления совсем не безразличны» и что противоположное мнение, что «все они ведут к утучнению и без того тучного буржуа» — уверенность печальная и неосновательная, — близки нам по общности ближайших стремлений. И названное убеждение должно быть поставлено на первый план при оценке роли наших утопистов, оно ставит их неизмеримо выше «немцевких или истинных социалистов» и французских и английских эпигонов «великих утопистов». Эти наши утописты — ближе для нас и в этом последнем отношении, чем доктринеры либерализма»³⁹.

Рассуждения Н. Е. Федосеева о социалистах-утопистах и «доктринерах либерализма» совсем близко подходят к известным нам мыслям В. И. Ленина по этим вопросам. Эти рассуждения Федосеева объясняют нам, почему именно уже в начале 90-х годов ему был близок и интересен Щедрин, почему он «привлекал» Щедрина к научной работе об экономических корнях крепостного права в России⁴⁰.

Разве это не замечательно? Разве это не характерно для отношения первых русских марксистов ленинского поколения к Щедрину, что в таких научно-исследовательских работах они опирались и на Щедрина? Разве не интересен тот факт, что и молодой Ленин считал такой литературный прием в марксистском исследовании вполне законным?

И разве не замечателен вместе с тем тот факт, что Ленин и в самый ранний период своей литературной деятельности, и в 1917 г. не раз в самых блестящих своих пуб-

«ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА
САЛТЫКОВУ»

Карикатура в «Шуте» 1882 г., № 17

лицистических выступлениях прибегал к Щедрину? В 1907 г., споря против меньшевиков, Ленин вспоминает: «Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев» (X, 238). В «Услышишь суд глупца» Ленин пишет: «Но... Щедрин давно уже переводил на общепонятный язык это либеральное российское «но» — не растут уши выше лба, не растут» (X, 278). В статье «Горжествующая пошлость или кадетствующие эсеры» Ленин в 1907 г. пишет: «Жаль, что не дожил Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Головлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика» (XI, 158). А в апреле 1917 г. в статье «О пролетарской милиции» Ленин вновь вспоминает о Щедрине. Он пишет: «Буржуазные и помещичьи республиканцы — ставшие республиканцами после того, как они убедились в невозможности иначе командовать над народом — стараются учредить республику возможно более монархическую: нечто вроде французской, которую Щедрин называл республикой без республиканцев» (XX, 203).

Почти всегда, когда Ленин цитирует Щедрина, он берет его в союзники против буржуазного либерализма, против меньшевистствующих «социалистов», против кадетствующих эсеров, против «республиканских» палачей Коммуны, против «демократических» банкиров, раболепствующих перед царизмом, против республики без распубликанцев, т. е. берет его как писателя, давшего много великого именно против либеральной буржуазии, против буржуазных «республиканцев», против якобы социалистических прихвостней буржуазии. Из всех замечаний В. И. Ленина по адресу Салтыкова-Щедрина вытекает именно эта оценка.

Из нее вовсе не вытекает, будто Щедрин был предтечей большевизма, был почти марксистом. Такой вывод был бы совершенно неверен. Но с нею абсолютно не вяжется

и другой взгляд на Щедрина, исходящий из того, будто Щедрин являлся заурядным буржуазным демократом или даже либералом. Такую поразительно неверную оценку Щедрина встречаем мы у Ю. М. Стеклова, который так и пишет:

«Собственно говоря, Салтыков всегда был совершенно чужд всякой (!) революции и социализму. Буржуазный либерал или (!) демократ, а прежде всего сатирик (!), он для красного слова готов был не пожалеть и близких ему течений». И далее Ю. М. Стеков говорит о «присущем иногда Щедрину беспредметном зубоскальстве»⁴¹.

Здесь мы скорее всего имеем дело с «присущим иногда» Ю. М. Стекову упрощением вопроса. Буржуазный либерал или (!) — демократ! А прежде всего — сатирик! Нельзя сказать, что эта квалификация «прежде всего» отличалась чрезмерной политической ясностью. Либерал или демократ Салтыков-Щедрин? Это довольно существенная разница. В. И. Ленин, как мы видели, ни в коем случае не согласен «отдавать» Щедрина не только либералам, но и шаблонным «демократам». А Ю. М. Стеков по видимому согласен и на то и на другое. «Прежде всего — сатирик!» Да, но каков предмет его сатиры? Это не безразлично. В «беспредметном зубоскальстве» Щедрина не раз обвиняли как раз справа. А Н. Г. Чернышевский называл обличительное направление, вошедшее в моду «с тяжелой руки г. Щедрина», «прекрасным, истинно-дельным» и выражал ему «полное сочувствие»⁴². Ю. М. Стеков «замахивается» на Щедрина якобы «слева», а попадает в компанию как раз правых критиков Щедрина...

Нет, такая оценка Щедрина в корне неправильна. Большевики остаются при тех оценках Щедрина, из которых исходили Н. Г. Чернышевский, Н. Е. Федосеев и прежде всего В. И. Ленин.

V

Было бы конечно ошибкой трактовать Салтыкова-Щедрина (и даже Чернышевского) как предтеч большевизма. Это неправильно. Это более чем угловато. Но нет никакого сомнения в том, что эти «люди-маяки» освещали дорогу нашей стране в направлении до известной степени родственном тому, в каком впоследствии повелее большевизм. Нет никакого сомнения в том, что к светлому ключу их мысли и их таланта не раз с благодарностью обращался основатель большевизма В. И. Ленин. То обстоятельство, что Щедрин имел крупное влияние на самый язык Ленина, конечно не случайно. На язык В. И. Ленина естественно имели влияние все великие русские писатели. Но едва ли кто из них оказал на В. И. такое большое литературное влияние, как Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин. И это объясняется разумеется не только могучей силой литературного таланта этих двух гигантов. Это объясняется прежде всего тем политическим созвучием, которое было у этих колоссов с будущей освободительной миссией российского пролетариата⁴³.

Со Щедриным большевиков роднило многое, чем и объясняется тот факт, что редкий из них в тюрьме, в ссылке, в эмиграции не держал среди самых любимых и самых «нужных» авторов произведения Щедрина. Этим объясняется тот факт, что редкий из них в своей устной агитации среди рабочих, солдат, крестьян не пользовался щедринскими образами, не говорил щедринской прозой. Этим объясняется тот факт, что политические ораторы большевизма и теперь охотно пользуются образами Щедрина в самых ответственных своих политических выступлениях. За примерами ходить недалеко. Вспомните хотя бы речи на XVII съезде партии.

Но большевиков больше всего привлекало в Щедрине то

1) что Щедрин — в кульминационный период его творчества — так прекрасно изображал дифференциацию русской деревни, так едко высмеивал «сплошной» взгляд на нее, таким сильным прожектором осветил фигуру кулака, «миroeда», «чумазога», такой яркой кистью написал Колупаевых, Разуваевых, Деруновых;

2) что Щедрин с такой едкой непримиримой критикой относился к либеральной буржуазии, что он хорошей законченной ненавистью ненавидел умеренного и аккуратного «прогрессиста». Будущее «кадетство» большевиков, о котором в свое время все уши прожужжали противники большевизма, действительно

в иных отношениях напоминало «либералоедство» Щедрина, — недаром Ленин так часто цитировал Щедрина именно применительно к оценкам либералов;

3) что Щедрин ненавидел царское самодержавие, «дикого помещика», «царскую бюрократию», чиновника, «помпадура», «Угрюм-Бурчеева», «ташкентца», весь «аппарат» царско-помещичьей диктатуры так глубоко, прочно, беззаветно, непримиримо, что ненависть эту он выразил с такой стихийной, неискоренимой силой и в этом отношении подкрепил выходявших на арену русской и мировой истории пролетарских революционеров на том этапе, когда их очередной задачей, их «программой-минимум» было — свергнуть царское самодержавие и не оставить от его «гордого» здания камня на камне.

Щедрин работал в «Отечественных Записках» и был близок с народниками, хотя, как показывает опубликованная теперь его переписка, он не раз резко критиковал и даже высмеивал таких столпов народничества, как Южаков и Кривенко (см. «Письма» 1845—1889), во многом не соглашался с Н. К. Михайловским (см. письма к Михайловскому), систематически критиковал П. А. Лаврова, поправлял в определенном направлении Г. И. Успенского⁴⁴ и т. д. Но работая с народниками, он в главном центральном вопросе народнического мирозерцания — в вопросе о деревне — все время от начала и до конца шел своими путями.

До известной степени это случилось и с таким писателем, как Г. И. Успенский, который однако гораздо больше, чем Щедрин, позволял литературным вождям народничества влиять на его творчество и «руководить» его писаниями. Описывая современную ему деревню, Г. И. Успенский, сам того не желая, очень часто давал марксистам фактический материал против народников, ибо в описываемой им деревенской действительности меньше всего оказывалось места «идеальной» общине, «самобытному» социализму, «единому» крестьянству.

Вот почему первые русские марксисты в 80-х и в начале 90-х годов зачастую пользовались против философии народничества теми описаниями деревни, которые давал «народник» Г. И. Успенский.

Если с творчеством Г. И. Успенского такие «пассажи» получались против его воли, то у М. Е. Салтыкова-Щедрина это была строго продуманная линия поведения. Суровая правда — таков был весь стиль творчества Щедрина. Суровой правды придерживался он прежде всего и в оценке русской деревни, и эта суровая правда не могла не бить в лицо слащавому народничеству, «сладеньким» (Ленин) сказкам народников об «едином» крестьянстве. Щедрин знал русскую деревню, как очень немногие из русских писателей: «Я вырос на лоне крепостного права, вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и наконец обучен грамоте крепостным грамотеем. Все ужасы этой вековой кабалы я видел в их наготе» («Мелочи жизни»).

На сусальную идеализацию общины народниками Щедрин не поддавался. Как бы возражая прямо народникам, он писал:

«Говорят: в России не может быть пролетариата, ибо у нас каждый бедняк есть член общины и наделен участком земли. Но забывают, что существует громадная масса мешан и что с упразднением крепостного права к мешанам присоединилась еще целая масса дворовых людей. А кроме того забывают еще и то, что около каждого «обеспеченного наделом» высочил Колупаев, который высоко держит знамя кровопивства и уже довольно откровенно отзывается о мужике, что «в ем только тогда прок и будет, коли ежели его с утра до ночи на работе морить».

Это попадало не в бровь, а в глаз народническим идеализаторам общины.

«Да, пролетариата нет, но загляните в наши деревни, даже подстоличные, и вы увидите сплошные массы людей, для которых например вопрос о лишней полукопейке на фунт соли составляет предмет мучительнейших дум и для которых даже не существует вопроса о материальных удобствах. Вы найдете тысячи беспритных бобылок, которых весь годовой бюджет заключается в пятнадцати-двадцати рублях, с трудом вырабатываемых мотаньем бумаги».

Процессы социального расслоения русской деревни всегда интересовали Щедрина в высшей степени. Один из первых — если не первый — он вывел кулака на страницы русской литературы, вывел, чтобы показать его во всей красе, чтобы обрисовать его алчность и «кровопивство», чтобы сделать эту фигуру ненавистной всему трудящемуся народу. По силе и страстности бичевания кулака (или «чумазого», как выражается часто Щедрин), по глубине ненависти к этому «пауку» щедринские «квалификации» могут стоять рядом с ленинскими. Недаром и в этой области Ленин чаще всего употребляет щедринскую терминологию, проводит щедринские «словечки» в гущу массы, делает их нарицательными, переносит их в научную литературу (напр. «Развитие капитализма»).

«Чумазый вторгся в самое сердце деревни и преследует мужика и на деревенской улице, и за околицей... Он обмеривает, обвешивает, обсчитывает, доводит питание мужика до минимума... Поле деревенского кулака не нуждается в наемных рабочих: мужики обработают его не за деньги, а за процент или в благодарность за «одолжение». Вот он дом кулака! Вот он высится тесовой крышей над почерневшими хижинами односельцев, издавек видно, куда скрылся паук»...

«Чумазый идет, чтобы показать, где раки зимуют. Он наглый, с цепкими руками, с несытой утробой. Его пришествие уже приветствуют охранители и публицисты... Мироедский период еще не исчерпал своего содержания. Сдается, что придется пережить эпоху чумазовского торжества» и т. д.

Эти и подобные отрывки из Щедрина подходят совсем близко к высказываниям молодого Ленина того периода, когда ему приходилось вести непрерывный бой против народничества.

Столь же реалистичными и столь же по сути дела далекими от народничества были щедринские характеристики «хозяйственного мужичка» (щедринский термин, который тоже стал нарицательным) — образ, которым тоже много раз пользовался Ленин.

История всех трех наших революций доказала неизбежно, что единственной партией, которая всегда держала курс на социалистическую переделку деревни и именно поэтому не делала никаких уступок «чумазому», не имела никаких иллюзий относительно «чумазого», была (и остается) партия большевиков. И именно потому, что большевики ясно видели классы в деревне, они теперь вплотную подвели страну к уничтожению классов. Именно потому, что они одни до конца видели социальную роль «чумазого», они теперь смогли — под руководством Сталина, продолжающего дело Ленина, — организовать ликвидацию «чумазого» как класс. По-настоящему прислушаться к тому, что говорил Щедрин о расслоении русской деревни, о роли «чумазого» в ней, по-настоящему понести эту ненависть к «чумазому» в массы, дать этой ненависти классовое выражение, дать ей должное место в общей стратегии и тактике рабочего класса — это смогли сделать только большевики.

Если бы в активе М. Е. Салтыкова-Щедрина было даже только одно это отношение к «чумазому» — и то этого было бы достаточно, чтобы большевики не отказывались от щедринского «наследства», любили и уважали это наследство.

Но в его активе имеется и его непримиримое отношение к либералам — то отношение, которое иными своими чертами прямо напрашивается на сравнение с большевистским «кадетством».

Конечно «кадетство» Ленина и большевиков есть составная часть общей стратегии и тактики пролетарской партии, есть звено в целой системе марксизма-ленинизма, т. е. нечто принципиально иное, более высокое, более законченное и совершенное, чем борьба Щедрина против русского либерализма. Но если мы вспомним, что обстановка, в которой жил и действовал Щедрин, была куда менее политически дифференцированной; если мы вспомним, что Щедрин не был человеком партии (в современном смысле этого слова), что он вторгся в жизнь только пером, то мы должны будем признать, что и тут он чрезвычайно выгодно отличался от большинства народников.

О многих народнических террористах русские марксисты справедливо говорили, что на деле это всего только либералы с бомбой. У Щедрина не было в руках

бомб — если не считать его сатир, взрывавших царское самодержавие лучше иной бомбы. Но у него была та великолепная горячая и страстная ненависть к либерализму, которую Ленин так любил и ценил у Чернышевского, да и у того же Щедрина.

Кто только не «ругал» в свое время большевиков за «кадетство»! В самом этом словечке «кадетство» уже заложено фарисейское осуждение — «осуждение рабочего за то, что он не хочет мириться даже с вылощенным капитализмом, даже с европейски-образованным либеральным капиталистом. За «кадетство» большевиков осуждало все образованное либеральное «общество», все «европейские марксисты» во главе с Плехановым, вся «революционная демократия», т. е. все меньшевики и эсеры, все «корифеи» II Интернационала. Что означали все эти осуждения? Они означали: не смейте ставить всерьез вопрос о пролетарской, о социалистической революции в такой «отсталой» стране, как Россия! Кричите только «долой самодержавие царя» — тогда мы даже готовы вам похлопать, ибо «рабочие очень важны для революции», т. е. для буржуазной революции. Но не смейте провозглашать: «Долой самодержавие капитала! Как вы не понимаете, что это просто «бестактно» в такой «отсталой» стране, как Россия». Вот к чему сводилась вся борьба указанного лагеря против «кадетства» большевиков. Кто же теперь не видит, что, скажем, преисловутые антибольшевистские памфлеты Плеханова «о тактике и бестактности» по сути дела сводились к этому?

И опять-таки мы спешим оговориться: борьбу Щедрина против либералов допустимо сравнивать с «кадетством» большевиков только, так сказать, в порядке первого приближения. Щедрин подвизался на арене русской литературы в такую пору, когда еще не было ни массового рабочего движения, ни пролетарской партии в нашей стране. Его борьба против либералов конечно не мыслится им самим как звено в целой цепи борьбы за гегемонию пролетариата в русской революции, а тем более за диктатуру пролетариата. И все-таки это одна из величайших заслуг Щедрина, что он именно «по-щедрински» ставил в литературе вопрос о либералах. Ибо это свидетельствует о том, что он не был заурядным буржуазным демократом, что он и тут крайне выгодно отличался даже от наиболее левых народников.

В одной из своих статей-шедевров, в одной из своих самых блестящих работ периода «пятого» года, в статье «Памяти графа Гейдена» В. И. сказал об этой борьбе Щедрина против либералов следующее:

«Еще Некрасов и Салтыков учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов» (XII, 9).

Ясно, что эту часть наследства Некрасова и Салтыкова-Щедрина большевизм устами В. И. Ленина с полным правом «выговаривает» в свою пользу. И конечно он хранит это наследство не как архивариусы хранят старую бумагу. Он приумножает и эту часть наследства. Он развивает борьбу против либерализма дальше, он ставит ее на службу самому революционному классу, который не может освободить себя, не освободив весь мир, он делает ее составной частью марксизма-ленинизма.

С такой же и еще более высокой оценкой подходил В. И. Ленин к соответствующей части наследства Н. Г. Чернышевского, который либералов 60-х годов называл «болтунами, хвастунами и дурачьем». Когда Плеханов еще был марксистом, он в своих первых знаменитых статьях о Чернышевском тоже с горячей похвалой подчеркивал эту сторону работ Чернышевского. Когда же Плеханов перешел в лагерь меньшевизма, он, переиздавая эти свои работы, тщательно вычеркнул именно эту часть оценок Чернышевского. Мы живо помним, как негодовал по этому поводу В. И., какими сарказмами осыпал он за это Плеханова, находя в то же время, что это вполне в порядке вещей, что раз человек из марксиста превратился в меньшевика, то логично ему «сократить» свои старые работы именно в этом направлении.

М. С. Ольминский вполне прав, когда пишет, что «Щедрин под конец своей жизни все больше освобождался от уз народничества, в то время как народники во главе с Михайловским быстро скатывались к либералам. И не потому ли у Ленина никогда не

подымалась рука против Щедрина». Более того: в «Друзьях народа» Ленин прямо противопоставляет по этому пункту Щедрина Михайловскому. В. И. полемизирует с «тезисом» Южакова — «80-е годы облегчили народное бремя и тем спасли народ от окончательного разорения» — и говорит по этому поводу следующее:

«Тоже классическая по своему лакейскому бесстыдству фраза, которую можно поставить рядом только разве с вышеприведенным заявлением г. Михайловского, что нам надо еще создавать пролетариат. Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну хоть что-нибудь» и кончает вечной и неизбежной позицией «применительно к подлости» (I, 162).

Не будем приводить тут классических в этом отношении «Сказок» Щедрина, ибо их пришлось бы переписывать чуть не целиком.

Достаточно напомнить только некоторые из эпиграмматических характеристик либералов (или, по-тогдашнему, «прогрессистов») у Щедрина. В «Культурных людях» (гл. I) Щедрин вкладывает в уста либерального и просвещенного помещика следующие слова:

«Я сидел дома и по обыкновению не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать. Ободрать бы сначала — мелькнуло у меня в голове; ободрать — да и в сторону... А потом, зарекомендовав себя благонамеренным, можно и о конституциях на досуге пометчать».

Известно, что эта характеристика либералов в значительной своей части перешла в повседневный политический обиход и больше всего — в словарь большевиков.

Или в другом месте («Итоги») в середине 70-х годов Щедрин писал о том же сюжете: «Это народ очень загадочный, совмещающий с чувствительностью души и слезливостью в голосе непреодолимую страсть к куску» («Итоги», гл. I). У этих либералов «начинаются бесконечные инсинуации насчет неблагонадежных элементов». Деятельность прогрессистов «никогда не выходила из пределов тихого курлыканья благовоспитанных каплунов» («Итоги», гл. IV).

Ясно, что эти характеристики русского либерализма не могли не влиться определенной струей в политический инвентарь большевизма. Большевизм переплавил их в более высококачественный сплав. Он ассимилировал и переработал их по-своему, как это и подобает идеологии пролетарской революции. Он не хранил их, как архивариусы хранят старую бумагу...

Вот почему мы говорим, что и эта часть наследства Щедрина принадлежит нам, и только нам.

Скоро будет 50 лет, как умер Щедрин. Россия прошла за это время через три революции и изменилась до неузнаваемости. И все-таки мы спросим: где сейчас в нашей стране (или за ее рубежами — среди белоэмигрантской «России № 2») та партия или та группа, которая с гордостью скажет, что это она претендует на наследство Щедрина, что она в частности продолжает и продолжит антилиберальную традицию Щедрина? Такой партии кроме большевистской партии не существует в природе. За рубежом живут «именитые» осколки народнических групп и партий. Но можно ли себе хоть на минуту представить теперь, чтобы, скажем, Авксентьевы, Бунаковы, Керенские и К^о сейчас чтли традиции Щедрина и в частности хотели бы продолжать его борьбу против буржуазного либерализма? Конечно нет! Они, трущися около империалистов и ожидающие «спасения» от новой войны против СССР, не могут вдохновляться наследием таких писателей, как Щедрин. Им не до славного русского прошлого, по той простой причине, что у них нет никакого — кроме самого бесславного — будущего...

Отношение Щедрина к старой русской деревне и к борющимся в ней силам и отношение Щедрина к старому русскому либерализму «увязаны» между собой. Его оценка «чумацкого» и его оценка либерала составляют одно органическое целое. Это и есть то, что отличает Щедрина от «обычных» народников, что роднит его с деятелями склада Чернышевского и что делает его поэтому дорогим для большевизма.

Отсюда и его особый подход к оценке царского самодержавия, царской бюрократии, дворян-помещиков (в том числе опять-таки и либеральных) вспомним его сатиру «К читателю», где жестоко высмеиваются дворянские мечтания, совмещающие в одной и той же голове рядом такие понятия как *Selfgovernment* и *la libre initiative des pomèschiks*.

Не подлежит сомнению, что Щедрин не питал никакого чрезмерного уважения и к институту «свободного» буржуазного парламентаризма — вспомним его отзыв о «сукиных детях», распинающих Францию в Национальном собрании после 1871 года.

Разумеется Щедрин подходил к вопросу о буржуазной революции в России не так, как к этому подходил Ленин. Большевизм был тактикой пролетариата и в буржуазной революции. Ни о работе Щедрина, ни даже о работе Чернышевского этого конечно нельзя сказать. Но меньшевизм и народничество («революционная демократия») были тактикой буржуазии и в пролетарской революции. К этому лагерю опять-таки нельзя отнести ни Щедрина, ни конечно Чернышевского. Всеми своими лучшими чертами, всеми теми чертами, которые делали Щедрина одним из величайших писателей России, грозой царской бюрократии, грозой идеологов «чумазого», грозой буржуазного либерализма, Щедрин принадлежал и принадлежит нам. Все самое ценное из богатейшего наследства Щедрина мы можем теперь понести — и разумеется понесем — в действительно многомиллионные массы трудящихся, для которых жил и работал этот великий писатель.

VI

В свете всего сказанного отзыв В. Н. Фигнер о роли Щедрина (см. 488 стр.) вызывает на полемику. «Он [Щедрин] осмеивал частные случаи, темные стороны русской

ФРОНТИСПИС К «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»

Гравюра на дереве С. Мочалова, 1931 г.

жизни, а мы воспринимали и усваивали критику основ существующего строя, экономического и политического строя, который существовал не только в России, но и во всех странах культурного мира», пишет В. Н. Фигнер. С этим никак нельзя согласиться. Нет, это не так! Ни первая, ни вторая части этого утверждения не верны. Щедрин осмевал далеко не «частные» только случаи «русской жизни» (курсив Фигнер). А народовольцы усваивали далеко не всю «критику основ» экономического и политического строя «во всех странах культурного мира». Критику основ экономического и политического строя, данную Марксом, т. е. самое важное, самое ценное, самое главное, они как-раз не усваивали и не усвоили.

В замечательно проникновенной речи, произнесенной 24 января 1924 г. на съезде советов СССР, Н. К. Крупская сказала:

«За эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследство от русского героического революционного движения». Подчеркнутые нами слова выражают то, что действительно было одной из характернейших интимных черт Ленина. Именно так воспринимал и чувствовал Ленин наследие героического периода русского до-пролетарского революционного движения. Именно так учил он относиться к образам героических революционных предшественников русского рабочего движения.

Лучшее из традиций народовольчества Ленин и его ученики всегда ценили высоко. И поскольку В. Н. Фигнер воплощает эти традиции, поскольку она в «Запечатленном труде» и в других своих работах воспекает героические образы народовольчества, она всегда встретит в большевиках внимательных читателей и горячих почитателей.

А вот в оценке роли Щедрина В. Н. Фигнер делает ошибку — и при том ошибку не случайную.

Пользуясь случаем, чтобы сказать по адресу глубоко нами уважаемой В. Н. Фигнер то, что давно уже просилось под перо: мы, революционные марксисты, мы, большевики-ленинцы, поняли позицию таких старых революционеров, представителей до-марксистского поколения, как В. Н. Фигнер; но нам очень жаль, что они не хотят (или не могут) понять революционеров нового поколения, т. е. пролетарских революционеров. Это — тема особая, о которой когда-нибудь и поговорим особо. Сейчас мы заговорили об этом только потому, что и ошибка В. Н. Фигнер в вопросе о Щедрине связана, как нам кажется, с указанным выше общим обстоятельством. Повидимому тут есть определенная закономерность: те из русских революционеров старого до-марксистского поколения, которым не удастся понять роль пролетарских революционеров, вышедших после них на арену русской истории, нередко оказываются не в силах полностью понять и роль своих предшественников (и иных современников). Мы очень боимся, что с В. Н. Фигнер при оценке ее роли Салтыкова-Щедрина случилось именно это последнее.

Невольно сопоставляются два взгляда на роль Щедрина: В. Н. Фигнер и М. С. Ольминского. Покойный Ольминский тоже принадлежал в свое время к «Народной воле» и к народовольческому прошлому разумеется относился с полным уважением, как и все большевики. Но именно потому, что он пошел вперед от народовольчества к марксизму, он сумел правильно отнестись к наследству, в том числе к наследству Щедрина.

В. Н. Фигнер ставит вопрос о том, как относился Щедрин к народовольцам в период их наиболее острой борьбы с самодержавием. Вопрос законный и интересный. В. Н. отвечает на него так: «Сношений с ним [Щедриным] никто из нас не имел — он был слишком осторожен для этого. Вероятно (!) он смотрел на действующих революционеров, как смотрел другой редактор «Отечественных Записок» — старый писатель-народник Г. З. Елисеев». А относительно этого последнего В. Н. Фигнер сообщает: «Григорий Захарович [Елисеев] в конце 1880 г. говорил мне: «Ну, что вы делаете? Бьете головой в каменную стену... только головы свои разобьете. И чего добиваетесь? Теперь секут без закона... а тогда будут сечь по закону». Говорил так, а сам предложить ничего не имел.

Почему В. Н. Фигнер считает возможным ставить знак равенства между политическими настроениями Щедрина и Елисеева? Это совершенно неизвестно! Неужели только потому, что оба были редакторами «Отечественных Записок»? Но ведь и Михайловский был виднейшим участником этого журнала! Значит ли это, что и он относился к «действующим революционерам» так, как Елисеев в приведенном отрывке? Конечно не значит! И В. Н. Фигнер никогда не скажет этого о Михайловском.

А ведь, кстати, именно Михайловский, говоря о деятелях тогдашнего времени, называл «людьми-маяками» Щедрина и Шелгунова и отнюдь не причислил сюда Елисеева, которого он лично очень уважал, с которым дружил и т. д. «Такими людьми-маяками были Салтыков и Шелгунов», пишет Михайловский⁴⁵, тут же вместе с тем отмечающий разницу в «размерах» между Салтыковым и Шелгуновым («Салтыков был перво-классный писатель, Шелгунов — скромный журнальный труженик»).

А в своей большой статье, посвященной как-раз специально памяти Г. З. Елисеева, Михайловский говорит о Салтыкове как о «признанном великом человеке», ставя его рядом с Белинским⁴⁶.

Человек-маяк! Это сказано очень хорошо о Салтыкове-Щедрине. Но мог ли сказать что-либо подобное Михайловский о Елисееве? Конечно нет!

Щедрин далеко не то же самое, что Елисеев (в смысле политического направления и политического настроения). Никогда и нигде Щедрин не отождествлял своей позиции с позицией Елисеева. Никогда между Щедриным и Елисеевым не было такой близости, чтобы можно было предположить: раз так высказался Елисеев, то так думал и Щедрин. Напротив, известно, что Щедрин однажды прямо охарактеризовал Елисеева, как «старика хитрого, недоброжелательного»⁴⁷. Щедрин в письмах иногда выражался нарочито резко — это правда. Но все-таки этот отзыв никак не свидетельствует о полной солидарности с Елисеевым.

Г. З. Елисеев принадлежал к умереннейшим из народников и был заведомо чужд революционным стремлениям их левого крыла. Никогда Елисеев не мог бы написать о либералах того, что писал о них Щедрин. Тот налет политической обывательщины, который был характерен для Елисеева, никак не характерен для Салтыкова-Щедрина. Михайловский признает (см. его «Литературные воспоминания»), что ему лично Елисеев был много ближе, нежели Щедрин. Это так и было. А между тем в своем отзыве о Щедрине В. Н. Фигнер распределяет свет и тени между Щедриным — Михайловским — Елисеевым совсем по-иному...

Вот почему мы и обязаны дать отпор неверной оценке Щедрина у В. Н. Фигнер. «Что касается Щедрина — для него особого уголка в душе не было», пишет В. Н. Фигнер. А вот у большевиков был и есть «особый уголок» для Щедрина! У бывшего народовольца М. С. Ольминского был и есть «особый уголок»! У ряда бывших народовольцев, сумевших пойти дальше и притти к лагерю пролетарских революционеров, был и есть этот «особый уголок»!

Как относился Щедрин к революционному подполью?

Возьмите например статью Щедрина «Наша общественная жизнь» (впервые печатается в настоящем сборнике «Литературного Наследства»). В ней Щедрин прямо выступает в защиту революционной организации и воспекает самоотвержение революционных вождей: «У нас должна быть организация, должны быть чернорабочие, которых преданность доходит до того, что не дает нам даже случая впасть в противоречие с нашими дорогими убеждениями. Мы живем не в Аркадии и не в Икарии... Если, при известных условиях, жизнь представляется в форме войны, то никто не изъеется от необходимости вести ее. Подвиг этих людей не только в высшей степени замечателен, но вообще такого свойства, что напоминание об нем, и при том беспрестанное, непрерывающееся напоминание, составляет предмет существенной и настоятельной необходимости... Слово сочувствия хочу я послать тем людям страстной мысли и непоколебимого убеждения, которые в истории ищут и обретают себе силу, укрепляющую их в борьбе с жизненной неурядицей», и т. д.

Когда в 1881 г. возникла знаменитая «Священная дружина», поставившая себе целью борьбу против революционеров, Щедрин в «третьем письме к тетеньке» страстно заклеймил этих господ, изобразив их под названием «общества взволнованных лоботрясов».

И в то же время Щедрин сносится с революционной эмиграцией и принимает другие меры для разоблачения этой контрреволюционной «дружины». Этого факта из биографии Щедрина тоже забывать нельзя. А «весил» он в тогдашних условиях, когда Щедрин поистине жил под стеклянным колпаком, очень немало.

Если В. Н. Фигнер кажется, что и Салтыков-Щедрин мог в 1880 г. сказать народолюбцам: «Ну что вы делаете? Бьете головой в каменную стену... Только свои головы разобьете», то у нее естественно складывается задним числом впечатление: «что касается Щедрина — для него особого уголка в душе не было». Но в том-то и дело, что Щедрин этого не сказал и не мог сказать. М. Е. Салтыков-Щедрин относился к революционному подполью с великим уважением — не меньшим, нежели Н. К. Михайловский, о котором В. И. Ленин писал, что мы «чествуем его за его уважение к подполью» (XVII, 225).

Если бы В. Н. Фигнер сказала только то, что Щедрин сам лично не участвовал в современных ему конспиративных революционных организациях и кружках, она была бы права. На основании всего того, что известно до сих пор о биографии Щедрина, можно сделать тот вывод, что членом действующих революционных организаций он действительно не был. Чего нет, того нет. Но констатирование этого факта совершенно не исчерпывает вопроса о реальном фактическом влиянии Щедрина на «действующих революционеров» и даже на целый ряд революционных поколений. Да, Салтыков-Щедрин был только писателем. Но взаимоотношения между ним и его читателями отнюдь не укладывались в им же осмеянную формулу «писатель пописывает — читатель почитывает». Он оказал несомненное влияние на процесс роста революционных настроений в нашей стране. Его работы подтачивали фундамент царизма вернее, чем иная организация тогдашних «действующих революционеров»⁴⁸. Недаром в начале 80-х годов в английской «Daily News» Щедрина стали систематически трактовать как лидера действующей в России партии, особенно хитро ведущей свое дело, так что Щедрину пришлось даже писать «опровержение» в названную газету. Основатель группы «Освобождение труда» молодой Плеханов очень радовался и гордился, когда одна из его первых легальных статей была напечатана в «Отечественных Записках» рядом со Щедриным. Наиболее серьезные из «действующих революционеров» того времени отлично понимали, каким сильным союзником революционного движения являлся Щедрин, несмотря на то, что он не входил в конспиративную организацию. Мы уверены, что в то время это отлично понимала и В. Н. Фигнер.

Нет, В. Н. Фигнер неправда и несправедлива в своем отзыве о роли Щедрина! Правы те из бывших народолюбцев, которые на запрос редакции «Литературного Наследства» дали совсем другие ответы. Прав бывший народолюбец М. С. Ольминский.

Да впрочем литературное наследство М. Е. Салтыкова-Щедрина лучше всего само за себя постоит. Надо только полностью сделать его еще более доступным современному поколению молодых борцов и строителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин. Сочинения, 2-е изд., т. II, стр. 305. Все цитаты из Ленина даны по 2-му изданию «Сочинений» и в дальнейшем при цитировании Ленина указывается сокращенно в тексте лишь том и страница.

² Писано для подцензурной печати. Отсюда в значительной мере и терминология. Отсюда и то, что Ленин (см. ниже об его письме к Потресову) не мог назвать прямо Чернышевского.

³ «Ленинский сборник» IV, стр. 13—14.

⁴ Утин, Е. И., Из литературы и жизни, т. I, стр. 175, СПб., 1896.

⁵ Там же.

⁶ М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. Труды Пушкинского дома при Росс. Академии Наук, 1924, стр. 95.

⁷ Глава V «Игогов» в обоих вариантах полностью впервые напечатана в сборнике «Неизвестные страницы» изд. «Academia», 1931, сто. 281—325.

⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. Труды Пушкинского дома при Росс. Академии Наук. Л., 1924, стр. 110.

⁹ Там же, стр. 112.

¹⁰ Там же, стр. 99.

¹¹ Там же, стр. 158.

¹² Там же, стр. 92.

¹³ Там же, стр. 154.

¹⁴ В письме от 26 июня 1884 г. Энгельс писал обратившейся к нему представительнице одного русского студенческого издательства, некоей Паприц, что он придерживается очень высокого мнения о некоторых чисто теоретических исследованиях русских авторов — исследованиях, «достойных нации, которая произвела Добролюбова и Чернышевского». Это письмо будет напечатано полностью в одном из ближайших номеров «Литературного Наследства».

¹⁵ «Летописи марксизма», II (XII), стр. 131.

¹⁶ Там же, стр. 56—57.

¹⁷ Там же, III (XIII), стр. 89.

¹⁸ Николаевский, Б. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. «Архив Маркса и Энгельса», кн. IV.

¹⁹ Гинзбург, Ф. Русская библиотека Маркса и Энгельса. «Группа освобождение труда», сборник 4.

²⁰ Маркс попытался например перевести на немецкий язык поговорку: «где раки зимуют». Он перевел ее словами: «Sprichwörtlich: wo Barth Id Most holt», т. е. по пословице: «где Бартхельд (или где «борода») виноградный сок добывает».

²¹ Цитируем по «Избранным сочинениям Чернышевского», в которых восстановлены некоторые купюры, сделанные царской цензурой: том IV, стр. 413.

²² Там же, стр. 414.

²³ Там же, стр. 417.

²⁴ Там же, стр. 462.

²⁵ «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и Зеленым», стр. 21. «Моск. раб.», 1925.

²⁶ Там же, стр. 45.

²⁷ «Минувшие годы» 1908, № 5—6, стр. 531—532.

²⁸ Ср. Лемке. «Очерки освободительного движения 60-х годов», стр. 370—375.

²⁹ «60-е годы — в воспоминаниях М. Антоновича и Г. Елисеева», изд. «Academia» 1933, стр. 443.

³⁰ «Чернышевский в Сибири». Переписка с родными, вып. III, стр. 57.

³¹ Там же, вып. II, стр. 200.

³² Там же, вып. III, стр. 66.

³³ Стеклов Ю. М., Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность, т. II, стр. 566.

³⁴ Мартов, Ю., Записки социал-демократа. М., «Красная новь» 1924, стр. 322.

³⁵ См. сборник «Н. Е. Федосеев». ГИЗ, 1923, стр. 11—12, 107—108 и др.; ср. также статью И. С. Зильберштейна в «Каторге и ссылке» 1930, № 1.

³⁶ Сборник «Ленин в Самаре», изд. ИМЭЛ, 1934, стр. 12.

³⁷ Там же, стр. 52.

³⁸ Сборник «Н. Е. Федосеев». ГИЗ, 1923, стр. 66. В этом сборнике принял участие В. И. Ленин, написавший статью «Несколько слов о Н. Е. Федосееве».

³⁹ «Литературное Наследство» № 7—8, 1933, стр. 200—202.

⁴⁰ Интересно отметить следующее. Из напечатанного теперь протокола допроса Г. М. Кржижановского от 22 декабря 1895 г. в жандармском управлении известно, что у т. Кржижановского на обыске взята была тогда «тетрадь с записками Шелгунова, Лаврова, Щедрина, Туна, Локка, Чернышевского» («Красный архив» 1934, т. 62, стр. 99). Тов. Кржижановский был тогда членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в котором он работал рука об руку с В. И. Лениным. Разве не интересно, что активный работник ленинского «Союза борьбы» в 1895 г. имел у себя тетради с комплектами из Щедрина? Ясно, что Федосеев и Кржижановский не были в этом отношении исключениями среди тогдашних русских марксистов.

⁴¹ Ю. М. Стеклов, Н. Г. Чернышевский, Его жизнь и деятельность, т. II, стр. 138—139.

⁴² Чернышевский. Сочинения, т. III, стр. 157—158.

⁴³ На литературный язык такого выдающегося стилиста, как Г. В. Плеханов, Щедрин тоже оказал большое влияние. Но интересно отметить следующее. Пока Плеханов оставался на почве марксизма, он зачастую с большим успехом пользовался щедринскими образами против царизма, помещиков, буржуазии. Сойдя с почвы марксизма, Плеханов пользуется уже Щедриным преимущественно только для каламбуров, зачастую грубо направляя их против революционного пролетариата и его партии и насылая тексты Щедрина.

⁴⁴ Это видно хотя бы из письма Щедрина к Успенскому от 11 ноября 1880 г.: «Многоуважаемый Глеб Иванович! Посылаю вам корректуры вашей статьи, которую только

что сейчас прочитал. Убедительнейше прошу сделать те выпуски, которые я сделал. Статья ваша произвела на меня тяжелое впечатление, и я серьезно начинаю думать, что вы увлекаетесь идеалами Достоевского и Аксакова... Может быть, вы и сами удивитесь, что статья ваша так понята мною, но право, и н а ч е и н е л ь з я п о н я т ь». (Цитировано у Чешихина-Ветринского «Г. И. Успенский», стр. 107.).

⁴⁵ Михайловский. Сочинения, т. VII, стр. 90.

⁴⁶ Там же, т. VII, стр. 442.

⁴⁷ Цитировано из Евгеньева-Максимова «В тисках реакции», 1926, стр. 84.

⁴⁸ Любопытно, что в некрологе, который «Московские Ведомости» посвятили Щедри-ну (писан видимо ренегатом народовольчества Львом Тихомировым), сказано буквально: «В тяжелое смутное время конца 70-х и начала 80-х годов сатиры Щедрина были та-ким же развращающим и разрушающим оружием в руках наших террористов, как и под-польные листки, заграничные брошюры и динамитные бомбы... Террористы того вре-мени делились на нелегальных и легальных деятелей. Щедрин был, несомненно, самым ярким и самым даровитым представителем последней категории... Не сочинениями ли Щедрина зачитывалась и зачитывается, к сожалению, значительная часть нашей моло-дежи? Не на Щедрине ли поэтому лежит тяжкая доля ответственности за тех несча-стных юношей, которые были отданы на съедение революционным теориям?» В этом же духе — только более «сухим» языком — царское правительство «мотивировало» закры-тие «Отечественных Записок».